

Глава 11

Маленький дурачок

Чу Ван широко раскрыл глаза, не отрывая взгляда от Чэн Яня.

— Помолвочный дар... Разве ты сказал это не просто так, чтобы меня утешить?

Чэн Янь видел, что юноша всё ещё терзается сомнениями, а потому притворно нахмурился и вопросом на вопрос возразил:

— Неужели ты думаешь, что я стал бы шутить такими вещами?

Юноша замер, глядя на него, и долго не мог вымолвить ни слова. В его глазах читались волнение и радость, но больше всего в них было робкого неверия.

Он не стал больше подтрунивать над ним и мягко произнес:

— Раз уж ты заговорил о равенстве сословий, то, по совести говоря, это я тебе не пара.

— Вовсе нет! — поспешно возразил Чу Ван. — Ты такой выдающийся... Стоит тебе только пожелать, и любые богатства, любая слава будут у твоих ног!

Он уже слышал, что любой рецепт, выписанный Чэн Янем, заставляет столичных лекарей слетаться к нему как на мед. Разве стали бы почтенные врачи так превозносить его, не будь он мастером своего дела?

Лекарь рассмеялся:

— Но у меня ничего нет. Я сейчас гол как сокол, и живу лишь на милости цзюньвана.

Он произнес это без тени смущения. Чу Ван же, напротив, застенчиво отвел взгляд и прошептал:

— Но я ведь всё равно дурачок, я не достоин... Ты что творишь?!

Чэн Янь вдруг протянул руку и бесцеремонно ущипнул его за щеку. Стоило Чу Вану начать что-то бормотать себе под нос, как его щеки невольно раздувались, и лекарь, наблюдая за этим, просто не смог сдержаться.

Юноша от неожиданности вздрогнул, вскинул голову, и его щеки надулись еще сильнее.

Мужчина еще пару раз сжал податливую кожу, а затем, потирая пальцы, усмехнулся:

— Решил проверить, не прячешь ли ты там чего втайне от меня. Уж больно они у тебя округляются, когда ты ворчишь.

— Ты... Я ничего не прячу! — сердито буркнул Чу Ван. — Я с тобой о серьезных вещах говорю!

Наконец он отпустил его и со вздохом покачал головой:

— Ты просто не заметил, что уже давно поумнел.

Маленький цзюньван опешил и глупо переспросил:

— Я... поумнел?

Лекарь беспомощно улыбнулся:

— Ты сам только что сказал, что я великий мастер. Неужто не доверяешь моему искусству?

Чу Ван и раньше частенько спрашивал его, стал ли он сообразительнее, но в глубине души он и понятия не имел, что это значит на самом деле. Чэн Янь хвалил его, и юноша принимал эти слова за чистую монету, но позже ему всегда казалось, что его просто балуют, как ребенка.

— Ты прочел множество книг, — продолжал он, — преуспел в счете. А помнишь мой недавний фокус? Ты ведь первым его раскусил. Твоя беда в том, что ты не видишь перемен, потому что сам в них находишься.

Чу Ван ошеломленно слушал, как лекарь перечисляет его достижения, и снова, словно в забытьи, пробормотал:

— Я и впрямь стал умным?

Он не выказал ни капли нетерпения. Лишь кивнул с улыбкой:

— Именно так. Наш маленький цзюньван — самый смысленый на свете.

Придя в себя, он поджал губы:

— Ты... Ты снова со мной как с маленьким.

Чэн Янь тут же парировал:

— Вовсе нет. Я хвалю тебя от чистого сердца.

Юноша поднял на него взгляд, и его глаза заблестели, точно звезды:

— Значит... Ты больше не считаешь меня дурачком или ребенком?

Лекарь не удержался и легонько ухватил его за нос:

— Стал бы я испытывать влече... Кхм, стал бы я объясняться в любви ребенку?

Всё-таки он не был настолько лишен человеческого облика, чтобы зайти так далеко!

Юноша надулся:

— То есть мы сейчас... объясняем в любви?

Он склонился к нему почти вплотную.

— А ты как думаешь?

Яркий лунный свет окутал крышу, словно прозрачная белая вуаль. Тот же свет отразился в глазах Чу Вана — точно блики на весенней воде, в которой дрожали затаенные чувства и робкая страсть.

Чу Ван, ведомый внезапным наитием, приоткрыл губы:

— Поцелуй меня... Тогда я пойму.

Чэн Янь и так был совсем рядом. Он бережно обхватил лицо юноши ладонями и медленно прильнул к его губам. Как он и ожидал, они оказались мягкими и на диво сладкими.

Не в силах сдерживаться, он углубил поцелуй, коснувшись его своим языком.

Когда они наконец отстранились, свет в глазах Чу Вана задрожал еще сильнее. Его губы, влажные и покрасневшие, казались лепестками созревшего бутона.

Он опустил взгляд и большим пальцем нежно провел по нижней губе юноши. Тот приоткрыл рот и, воспользовавшись моментом, обхватил его палец губами.

— Ты...

Лекарь на мгновение лишился дара речи. Высвободив палец, он снова ущипнул Чу Вана за щеку и, дважды кашлянув, чтобы вернуть голосу твердость, проговорил:

— Ты играешь с огнем.

Чу Ван непонимающе склонил голову:

— А?

Он со смехом вздохнул. Похлопал юношу по макушке и сказал:

— Уже поздно. Спускаемся, пора отдыхать.

— Тогда веди меня за руку! — тут же потребовал Чу Ван.

Чэн Янь покорно кивнул:

— Ладно. Могу даже на руках спустить, если хочешь.

Сказано это было, конечно, в шутку — если только когда-нибудь он не вложит очки навыка в «искусство легкости».

Впрочем, когда они оказались на лестнице, Чу Ван, не дойдя до земли каких-то полметра, прыгнул сам, напрямик в объятия Чэн Яня.

Лекарь успел лишь порадоваться тому, что в последнее время усердно занимался физическими упражнениями, прежде чем ощутил в руках приятную тяжесть теплого тела.

Однако тот, кто был в его объятиях, вовсе не думал о романтике. Юноша весело расхохотался:

— Как здорово! Можно мне еще раз прыгнуть?

Лекарь крепче обхватил Чу Вана и, легонько шлепнув его ниже спины, со смехом возмутился:

— Нет уж. Бегом спать!

Пусть «дурачок» и стал сообразительнее, в делах сердечных он всё еще оставался чистым листом бумаги.

Юноша снова решил поторговаться:

— Чэн Янь, а мы можем спать вместе?

Лекарь судорожно вздохнул.

— Пока нет.

— А когда будет можно?

Он выдумал на ходу:

— Разумеется, только после того, как мы поклонимся небу и земле и поженимся.

Тот уставился на него, внезапно густо покраснел и, поджав губы, со всех ног бросился в свою комнату.

Чэн Янь замер на несколько секунд, осознав, что юноша просто смутился, и негромко рассмеялся.

На следующий день.

Дворцовый пир был лишь предлогом. Устроили его в спешке, даже не придумав достойного повода.

Но даже при этом танцы и песни были великолепны, а блюда, хоть и успели немного остыть, оставались изысканными деликатесами, недоступными простому люду.

Чэн Янь рассудил, что если иметь достаточно толстую кожу, можно совершенно спокойно сидеть подле цзюньвана и с наслаждением дегустировать яства под музыку, не обращая внимания на любопытные и изучающие взгляды со всех сторон.

Чу Ван ел мало. Чаще всего его палочки тянулись к тарелке со сладостями. Заметив, что

лекарь слишком увлеченно следит за танцовщицами, он ревниво буркнул:

— Так уж красиво?

Лекарь подцепил палочками стеклянную креветку, тщательно прожевал её и ответил:

— Сойдет.

— Я... — юноша в нетерпении подался к нему и прошептал: — Я ведь тоже могу для тебя станцевать!

Он едва не поперхнулся. Пару раз кашлянул, прежде чем проглотить кусок, и недоуменно взглянул на юношу.

Чу Ван округлил глаза, пристально глядя на него:

— Ты... Не смей мне не верить! Вернемся, и я сразу пойду учиться!

— Кхм, нет, — он прикрыл рот ладонью, подавляя смешок. — Конечно, я тебе верю. Просто думаю: чем же я заслужил такую честь, чтобы сам цзюньван для меня танцевал?

Тот обиженно надулся:

— Лишь бы ты не заглядывался на других.

Уголки губ Чэн Яня дрогнули:

— Хорошо, не буду.

Сказав это, он больше ни разу не поднял глаз на сцену. Всё его внимание было сосредоточено на еде и на том, чтобы подкладывать лучшие кусочки Чу Вану.

На подобные приемы приглашали лишь императорскую родню и высшую знать, так что новое лицо быстро заметили. Те, кто не знал Чэн Яня, пытались разузнать о нем втайне; те же, кто слышал о его существовании, были знакомы с массой нелепых слухов, и теперь в их головах роились догадки.

Чэн Янь нисколько не беспокоился о чужом мнении, продолжая невозмутимо трапезничать.

Нынешнему императору было почти пятьдесят — по меркам этой эпохи возраст весьма

почтенный. Если не считать рано умершего второго принца, наследный принц и третий принц были в самом расцвете сил. Борьба за престол не прекращалась ни на миг. Чу Ван в свое время оказался втянут в эти распри лишь потому, что род его матери был как-то связан с наследником. И тот, кто намеревался через маленького цзюньвана устранить верных людей наследного принца, был, разумеется, третьим принцем.

Государь взошел на трон в результате переворота, но с годами утратил былую жестокость. Единственной его страстью остались красавицы: сегодня перед гостями выступали дворцовые наложницы и служанки — все как на подбор белолицые, нарядные и очаровательные.

Впрочем, едва закончились танцы, император покинул зал, оставив гостей на попечении императрицы.

В этот момент за спинами Чу Вана и Чэн Яня возник маленький евнух. Склонившись, он тонким голосом пропищал:

— Лекарь Чэн, государь желает видеть вас в Зале Возращения Сердца.

Чу Ван, сидевший рядом, отчетливо слышал эти слова. Он с удивлением повернулся к спутнику:

— Зачем старший брат-император зовет тебя?

Чэн Янь был готов к этому, а потому ответил с полным спокойствием:

— Есть одно дельце. Я скоро вернусь.

<http://bllate.org/book/15870/1437670>